

Цена свободная

Индекс 70250

«ДН» — 2014

Романы, повести:

Резо ГАБРИАДЗЕ. Доктор и больной. *Повесть*
Андрей ЖИТИНКИН. Житинский. *Маленький роман из длиннот*
Афанасий МАМЕДОВ. Дозорный Грибоедова. *Повесть*
Марина МОСКВИНА. КРИО. *Роман. Книга вторая*
Юрий ОКЛЯНСКИЙ. Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности. *Повесть литературного быта*
Захар ПРИЛЕПИН. Новое произведение
Елена РЖЕВСКАЯ. Бремя выбора. *Воспоминания*
Мария РЯХОВСКАЯ. Ай-Серез. *Повесть*
Сергей УТКИН. История болезни. *Повесть в рассказах*
Леонид ЮЗЕФОВИЧ. Филэллин. *Повесть*
Екатерина ЮРКЕВИЧ. Сарафанное радио. *Повесть*

Рассказы: Евгения АЛЕХИНА, Андрея ВОЛОСА, Елены ДОЛГОПЯТ, Алексея КОЛОБРОДОВА, Ильи КОЧЕРГИНА, Владимира ТОРЧИЛИНА, Евгения ШКЛОВСКОГО и других авторов.

Новые имена: участники Форума в Липках, Волошинского фестиваля и наши собственные открытия

Новые сочинения: Эльчина ГУСЕЙНБЕЙЛИ (с азербайджанского), Анатолия КОРОЛЕВА, Ицхокаса МЕРАСА (с литовского), Дмитрия НОВИКОВА, Светланы ПЕТРОВОЙ, Дины РУБИНОЙ, Левона ХЕЧОЯНА (с армянского), Владимира ХОЛОДОВА, Александра ХУРГИНА, Дмитрия ШЕВАРОВА

Новые стихи и переводы: Сухбата АФЛАТУНИ, Ефима БЕРШИНА, Сергея ВАСИЛЬЕВА, Германа ВЛАСОВА, Андрея ГРИЦМАНА, Ольги ИВАНОВОЙ, Алексея ИВАНТЕРА, Игоря ИРТЕНЬЕВА, Александра КАБАНОВА, Инны КАБЫШ, Бахыта КЕНЖЕЕВА, Григория КРУЖКОВА, Георгия КУБАТЬЯНА, Марины КУДИМОВОЙ, Инги КУЗНЕЦОВОЙ, Виктора КУЛЛЭ, Инны ЛИСНЯНСКОЙ, Ларисы МИЛЛЕР, Олеси НИКОЛАЕВОЙ, Натальи ПОЛЯКОВОЙ, Геннадия РУСАКОВА, Юрия РЯШЕНЦЕВА, Анны САЕД-ШАХ, Владимира САЛИМОНА, Айгерим ТАЖИ, Александра ТИМОФЕЕВСКОГО, Олега ХЛЕБНИКОВА и других авторов.

ISSN 0012-6756. Дружба народов, 2014, № 1, 1—256

ДРУЖБА НАРОДОВ

Год издания 75-й

1/2014

ДРУЖБА НАРОДОВ

1'2014

- **Олег Чухонцев**
Стихи и переводы
- **Денис Гуцко**
Палата «ноль»
Повесть
- **Имант Аузинь**
Из ярких утр гербарий
Стихи
- **Гасан Гусейнов**
Русский язык
в современном мире
- **Бомжи**
на стройке литпамятников
Заочный «круглый стол»: итоги 2013 г.

Гасан Гусейнов

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном мире русским языком как родным пользуются не менее ста пятидесяти миллионов человек. Считается, что еще для ста миллионов, живущих на территории бывшего СССР, русский является относительно свободным основным языком общения. Для сравнения: языком хинди, по данным официальной статистики, пользуется не менее полумиллиарда человек. А вот носителей греческого языка совсем мало — всего тринадцать миллионов. Древнегреческим и санскритом владеет еще меньшее число людей, измеряемое в лучшем случае десятками тысяч.

В советское время русский был региональным глобальным языком. По-настоящему глобальным он был формально — как один из главных официальных языков Совета безопасности ООН. А фактически изучали его в мире не так широко, как, например, французский или испанский. Регионально-глобальным он был в бывших социалистических странах и в странах, как тогда говорили на одном дыхании, Азии-Африки-Латинской-Америки, где с помощью СССР выращивались кадры для построения социализма. И сейчас еще в самых неожиданных точках планеты можно столкнуться с людьми, которые когда-то учили русский по Владимиру Маяковскому — «только за то, что им разговаривал Ленин».

Позднее, когда идеология обветшает, все пойдет по формуле уже Владимира Высоцкого:

Проникновенье наше по планете
Особенно заметно вдалеке:
В общественном парижском туалете
Есть надписи на русском языке.

Берлинский таксист из Ирана, изучавший русский в Баку в 1970-х, или врач-афганец из Бремена, освоивший русский в криворожском медучилище в 1980-х, — это не только осколки разлетевшейся империи, но и часть глобальной сети друзей русского языка.

Конечно, не численность говорящих делает язык мировым. Есть что-то другое, не менее важное. Можно говорить о двух сферах — сфере внешнего

Гусейнов Гасан Чингизович, филолог-классик, доктор филологических наук, профессор факультета филологии НИУ-ВШЭ. Автор нескольких книг и более ста статей по классической филологии и истории культуры, современной политике и литературе.

приложения, которая измеряется количественно, и сфере внутреннего приложения, которая определяется качественно. К внешней сфере относятся люди, занимающиеся военным делом и промышленностью, наукой и образованием, но также и переводами с других языков, и управлением, и тысячами других дел. Ключевую роль играет здесь доля тех, для кого твой язык — второй или даже третий. Мировым в сфере внешнего приложения делают свой язык политики и ученые, которые решают, скажем, что больше не будут принимать к печати в своем журнале статьи по той или иной отрасли знания на родном языке, а, например, только по-английски. Сложился даже отдельный жанр глобальной антиимпериалистической публицистики — жалоба на «засилье» английского языка.

Такова судьба фундаментального и прикладного естественно-научного знания на немецком или на русском языках. Часть научного сообщества решает, что для развития науки родной язык этого сообщества перестал быть релевантным. Между тем, первичные математические операции человек совершает на родном языке. Почему это так, другой вопрос. Дело не в бессмысленном патриотизме, а в сознательном ограничении области применения родного языка. Этого опыта у русских, живущих в метрополии, пока еще не было. Здесь задевается главное идеальное качество родного языка — полное и, в идеале, безотказное обслуживание всего насущного опыта человека.

Что такое качественная сфера, или сфера внутреннего применения?

Понимание носителем языка, что только на этом языке ему доступно нечто такое, чего он не получит ни через какой другой язык, каким бы богатым тот ни был.

Для того, чтобы подступиться к ядру проблемы, необходимо преодолеть несколько общих мест.

Пусть на греческом и санскрите читают только десятки тысяч человек, но задачи, поставленные перед человечеством на этих языках, остаются открытыми для каждого следующего поколения. Эти задачи — философские, логические и кибернетические, иначе говоря, задачи понимания, образования и управления. Люди, читающие и пишущие на так называемых живых языках, не покидают рамок, заданных аристотелевскими категориями, даже если ничего не знают об этих рамках, потому что о них, может быть, забыли не только их школьные учителя, но и учителя этих учителей. Видимой делает эту качественную сферу только настоящий кризис репрезентации языка в сознании говорящих на нем людей. Все помнят басню «Мартышка и очки», но как же неприятно сознавать, что мартышка — это ты сам, а очки — это твой родной язык, которым ты владеешь, как выясняется, на очень небольшую глубину.

Под репрезентацией я понимаю высказанное в авторитетных текстах отношение к родному языку и как к дифференцированному инструменту выражения, коммуникации, познания, управления, и как к интегративной символической персоне. В России, как правило, такой персоной, или персонализацией идеальной сущности, выступает «великий и могучий русский язык» из стихотворения в прозе И.С. Тургенева.

Тургенев, скорее, удивлен, как это в таком рабском и неразвитом обществе, как Россия середины XIX века, вообще возможен такой богатый, свободный, великий и могучий язык. Тем не менее, на протяжении всего нескольких

десятилетий на русском языке появились тексты, знакомство с которыми стало обязательным элементом образования.

Из чего состоял русский сегмент тогдашнего мирового гипертекста? Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что этим сегментом была русская критическая литература и публицистика. К концу XIX века олицетворением символического персонажа по имени «русский язык» были Толстой, Достоевский, Чехов, а чуть позже — политические деятели, прежде всего — марксисты — Троцкий и Ленин.

В своей глобальной функции русский язык стал языком социальной революции и интернациональной, в определенном смысле даже анациональной, коммунистической экспансии. При этом идеология интернационализма, деколонизации, социального равенства, которую можно считать «ранней глобализацией», интегрировала и русский гипертекст прошлого столетия. Для изучавших русский язык в мире имена Пушкина как певца свободы, Толстого, Достоевского и Горького как аналитиков человеческой души и критиков социального устройства, Маяковского и Пастернака как певцов революционной эпохи и, наконец, Ленина, Троцкого и Сталина как строителей справедливого будущего для всего человечества — эти столь разные имена представляли язык — носитель права на глобальную функцию. Это была функция идейного объединителя человечества на почве самого справедливого и вместе с тем, как тогда говорили, «научно обоснованного» государственного устройства.

Конечно, имена Ленина, Троцкого и Сталина в этом списке покорабят очень многих. И меня они — больше первое и третье, чем второе — коробят. В самом деле, то, что было менее известно при их жизни и стало прозрачно и доступно для всех желающих знать сегодня, например, о методах насаждения «всеобщего счастья человечества», мало кого сделает поклонником строителей советского государства. Но русская пословица не зря гласит: из песни слова не выкинешь.

Как бы мы ни сожалели об этом, как бы нам ни хотелось, чтобы большинство иностранцев мечтали изучать русский язык ради того, чтобы прочесть Пушкина или Ахматову, в XX веке это было не так. Одно из важнейших социо(контр)культурных явлений эпохи — международный терроризм — тоже держалось во второй половине XX века на интересе к большевизму и сталинизму, к маоизму и иным «измам». Один из самых известных международных террористов — Ильич Рамирес Карлос получил свое первое имя — Ильич — в честь Ленина (его брат получил в честь Ленина имя Владимир).

Конечно, были тысячи и тысячи людей, изучавших русский для того, чтобы прочитать Солженицына или Цветаеву. Но тренд определяли не они, а те сотни тысяч людей в мире, которые видели в Советском Союзе не просто символ обновления их жизни, но непосредственный пример осуществления мечты, не утопию, а реальность. Не их вина, что эта реальность в самой стране, излучавшей международные прогрессивные идеи, оказалась, по большей части, иллюзией.

Мы сейчас не говорим о реальном содержании деятельности перечисленных в списке людей: очевидно, что поэт и сановник Пушкин не отвечает за преступления бандита и палача Сталина или визионера и палача Ленина. Но есть по меньшей мере два измерения, в которых язык всех троих интегрирован в сознании больших групп людей. Одно измерение — это взгляд на Россию извне, взгляд человека, нашедшего ультимативную легитимацию для изучения данного языка. Другое измерение — отношение Сталина к Пушкину, точнее — узурпа-

ция сталинским режимом пушкинского наследия, вообще русской классической литературы как источника внутри- и внешнеполитического авторитета.

Претензия идеологов и политиков языка опиралась на холистское¹ представление, у которого открылось неожиданное внутрисоветское измерение. Несмотря на доктринерскую пропагандистскую цель и исходное лицемерие официальной идеологии, сами политики языка и языкового строительства, следуя букве своего учения, и в самом деле всемерно поощряли так называемую культуру речи, развивали переводческую деятельность в невиданных прежде объемах, обеспечивали русский язык статусом универсального языка научного знания.

Вся международная номенклатура наук, за исключением разве что психоанализа, получала выражение на русском языке советской эпохи. При этом институты авторитетности языка номинально имели в обществе чрезвычайно высокий статус, хотя и были рассредоточены. Опыт этот до сих пор еще абсолютно не изучен. Между тем, речь идет о том пласте русского литературного языка, который создавался в естественно-научной и математической среде. Это язык ученых, не просто переводивших (с латыни, немецкого, французского, английского) научные труды на современный русский язык, но создававших русскую версию языков своих наук. Два роковых заблуждения пленяют исследователя языка, привыкшего считать, что настоящий литературный язык это прежде всего язык поэзии и прозы, ну, еще философии, а язык химии и физики, почвоведения и биологии — это чуть ли не профессиональный жаргон, вторичный по отношению к литературному языку. Известно высказывание Эйнштейна, которым довольно бездумно размахивают литературоведы. Мне, говорит Эйнштейн, больше дал для понимания физики Достоевский, чем Гаусс. Если додумать мысль Эйнштейна до следующего логического витка, то станет ясно, что «понимание физики» и «понимание литературы» опираются на некую более общую культурную платформу, что между ними существует свой «большой язык». Вот о знании этого «большого языка» и говорил Эйнштейн, а после него великий русский (а также советский и французский) математик Владимир Арнольд. Это язык, на котором о себе говорит и наука. Достаточно вчитаться в сочинения, например, Д.И. Менделеева (в том числе в его небольшие статьи по астрономии или винокурению в словаре Брокгауза), чтобы понять: эпоха великих химических достижений держалась на великих ученых, которые участвовали в развитии русского литературного языка никак не меньше, чем современные им романисты. Эта незаметная реальность языка быстро растущей страны создала за XIX век ту почву, которой позже воспользуется советская власть для строительства глобально значимой научной платформы. «Третий мир» поехал учиться в Советскую Россию не только языку Пушкина и Сталина, но и языку естественных наук.

В повести Михаила Булгакова «Роковые яйца» живой русский язык науки зоологии противопоставлен засушенному деревянному языку идеологии. При этом советские власти, которые сам писатель считал связанными с нечистой силой, осознавали необходимость «взять» у ученых их язык, оприходовать не просто наличные знания, но и превосходивший собственные возможности властей механизм порождения нового знания. Чекисты в кожанках и прочие

---

¹ От философского понятия «холизм», или целостность.

дети нечистой силы у Булгакова уважают профессора Персикова за его способность описать предмет своего знания и передать его другим. Но позволить этому языку свободно развиваться они все-таки не могут: тогда развалится вся система контроля над обществом. Хотелось глобальной науки «на уровне мировых стандартов», но с сохранением власти над языком и общественным сознанием.

Вот почему у этой ранней советской языковой глобализации был только один изъян, который не очень бросался в глаза внутри страны: вокруг советских «эйнштейнов» не было советских же «достоевских». Науки, которые создавались в идейной неволе, не могли дышать родным воздухом. Советские чиновники очень рано это почувствовали, а Михаил Булгаков еще в начале 1920-х годов описал. Но чиновники понимали дело слишком вульгарно — как задачу обеспечить своим «засекреченным ракетчикам» дефицитный досуг. Этого оказалось мало. Важнейший сегмент литературного языка — язык науки — начал дрейфовать у крупных и средних ученых в сторону английского. Вся культура технарского самиздата, попытка помириться с мировой культурой через научную фантастику и бардовскую песню, как и некоторые другие литературные жанры, не обеспечивали культурного саморазвития ученых на родном языке и внешнего общественного диалога, который хотя бы отдаленно велся бы на том же уровне, на каком обсуждались внутренние задачи соответствующих наук.

Феномен А.Д. Сахарова и С.А. Ковалева — это и голод по свободному, открытому языку общественной свободы. Звучит несколько высокопарно. Но в нынешнем противостоянии массового человека с его куклами и культиками силы, крови, почвы, нации и тому подобных обманок для людей языка, людей права, людей культуры, людей исторической памяти основная проблема — разноязычие.

Во внутренней культурной и социальной политике русский язык даже не нуждался в формальном статусе государственного — он всюду на территории бывшего СССР представлял общедоступный воздух коммуникации, познания, выражения и, главное, управления.

И только исчезновение СССР раскрыло большинству людей, говоривших на русском языке, насколько противоречивым, сложным и проблематичным является в некоторых случаях тот факт, что русский — родной или второй язык для этих людей.

Как только Советский Союз распался, вскрылось несколько болезненных противоречий. Оказалось, что, чем лучше ты как носитель языка понимаешь деревянный язык Сталина или Брежнева, тем хуже ты понимаешь язык Толстого или Чехова.

А двуязычные носители других родных языков почти принудительно построили свою новую языковую стратегию на отторжении русского — как языка колонизаторов или языка коммунизма. Нечего и говорить, насколько болезненно такое восприятие русского языка для тех, у кого именно он — родной. Первый и единственный.

Официальный русский язык нес идеи равенства народов; неофициально, фактически СССР был феодальным обществом, в котором процветали всевозможные предрассудки и суеверия — от расизма до культа потребления во внеправовом пространстве.

Официальный русский язык обещал свободу — фактически в СССР свирепствовала цензура.

Официальный русский язык обещал поддержку «трудящимся Запада и Востока» — фактически он поддерживал правящие репрессивные режимы или устанавливал таковые по своему усмотрению везде, где мог.

В течение XX века Россия накопила новый опыт. Тоже бесценный, но — другой. Миру нужно было понять и то, как устроен ГУЛАГ, и то, как возможно (если возможно) выживание человека в страшной, бесчеловечной среде. Поэтому нужны были Андрей Платонов и Василий Гроссман, Александр Солженицын и Варлам Шаламов, Осип Мандельштам и Анна Ахматова, Всеволод Некрасов и Лев Рубинштейн, чтобы точнее понимать язык... Ленина и Сталина. Художественная литература была в России не только инструментом критики исторической эпохи и социального устройства, но и единственным остававшимся у людей инструментом трансляции знания о недавнем прошлом.

А для миллионов людей в мире советский русский язык в последние десятилетия выступал в двойном облике — как инструмент интернационализма, или международный механизм построения будущего, и как язык оккупантов, подавляющих свободное развитие других, «младших» языков. Не иначе выглядело это противоречие и для самих русских. Так, советское государство национализировало для своих идеологических нужд Пушкина и Толстого. Но благодаря школе русской классической литературы в СССР родились и выросли литераторы, описавшие советский режим. Пусть иногда и в устаревших и даже эпигонских формах.

Но язык устроен так, что целый век он может спать и не порождать текстов, которые имело бы смысл принести в мир. Возможно, последние, позднесоветские и первые постсоветские наши десятилетия именно таковы. «Разбор полетов» не только не закончился, но в основном даже и не начался.

И дело здесь не в традиционном для России алармизме: мол, когда вырубают вековой лес, на его месте вырастает кустарник. И сейчас в России и в мире на русском языке создаются замечательно интересные локальные литературы. Правда, тексты, публикуемые на русском языке сегодня, невозможно в полной мере понять по школьным и университетским учебникам второй половины XX века.

И вместе с тем остается вопрос: каков же тот глобальный месседж, который делает тексты, написанные на русском языке сегодня, жизненно необходимыми для других?

Переформулируем вопрос.

Какой сегмент русской речи сегодня значим глобально и массово? Все еще язык ракетно-космической техники или поэзии Серебряного века? Или сейчас важнее язык Русской православной церкви или жаргоны политиков и дальнотбойщиков, сутенеров и наркоторговцев, силовиков и боевиков? Их надо изучать всем, кто любит и хочет лучше понять современную Россию, — от предпринимателя до историка. Конечно, бывают и другие мотивации — и более скромные, и, наоборот, более амбициозные.

Советский Союз распался, физическая территория России сократилась, а русский язык, наоборот, стал стремиться к настоящей глобальности. Он облегчает бегство из постсоветских «национальных раёв» в другие миры. Может быть, не всегда и не слишком дружелюбные, но все-таки дающие дышать. Вектор движения, кстати, не обязательно — на Россию. Есть русские и русскоязычные, которым намного свободнее, чем в Москве или в Воронеже, дышится в Киеве

или в Тбилиси, Нью-Йорке или Париже, Хельсинки или Берлине. Везде, где и сегодня можно прожить жизнь по-русски, в русской инфраструктуре, от роддома до реанимации. Ведь свободу определяет не язык, а только политическая система.

Бросается в глаза центральное противоречие нашей эпохи по сравнению с большей частью двадцатого, советского века. Независимо от того, насколько оправданными были эти амбиции, приманкой для многих стало отождествление русского и советского в остальном мире. Изучать русский для многих означало вырабатывать в себе идеологию нового, справедливого и передового общества.

Делегитимация языка как носителя коммунистической идеологии вынуждает некоторых прибегать к неожиданным изоляционистским проектам — попыткам представить русский язык как окно в закрытый «собственный мир». Эта попытка осуществляется на многих уровнях. Так, язык может быть рекрутирован на роль проводника православия и тех традиций, разложение которых застали революции 1905–1917 гг. С другой стороны, в регионах распространения ислама в России общим языком этой религии парадоксальным образом оказывается язык межнационального общения, каковым, например, в Дагестане является русский (сообщение А. Ярлыкапова). Но национализация языка или попытка на новом витке привязать бывший «язык межнационального общения» к его предполагаемому домашнему этносу, наносит, возможно, наиболее опасный удар по русскому языку. Искушению взять правильный, традиционный, восходящий к предполагаемым культурным ориентирам XIX века язык и с его помощью вытеснить деревянный русский советский язык — с его словарем и мыслительными конструкциями — поддаются многие писатели и мыслители. Пример наиболее авторитетного проекта такого рода — это «Словарь языкового расширения», составленный Александром Солженицыным. Чтобы понять, почему этот проект провалился — без всякого треска, а просто утонул в болоте, — нужно посмотреть вокруг. Другой пример изоляционистского толка — попытка клерикализации обывденного языка, которая тоже началась еще в позднесоветское время: такие проявления многообразия, как религиозное мракобесие, кликушество и пустосвятство, в какие бы конфессиональные одежды они ни рядились, вышли из позднего СССР. На дрожжах традиционных религий, попавших в питательную среду позднесоветского парарелигиозного синкретизма и идеологии нетерпимости к «чужому», поднялось небывалое еще в истории России тесто. Здесь неожиданно вновь выпекаются герои Достоевского, здесь церковь наделяет себя репрессивными функциями, говорит на новом языке, который паства понимает по-своему, иррелигиозное светское общество — по-своему, а иностранцы — по-своему. Но все слышат в нем угрозу, словно ожил Великий Инквизитор из «Братьев Карамазовых». Только одни радуются, что теперь, в кои-то веки, угрожать могут они сами, а другие — печалуются, что угроза пришла с такой неожиданной стороны — от адептов религии любви, покаяния и прощения.

Особое место занимает русский язык «всемирной паутины». Русскую сеть в мире поддерживает не просто многомиллионная диаспора. Говорят, что большая часть грамотных пользователей русскоязычного сегмента Интернета находится за пределами России. Не будь «паутины», русскоязычные анклав, возможно, давно утонули бы в иноязычном окружении. А отдельные фрагменты образования на русском языке, доставшиеся еще от советского времени, продол-

жают быть образцами для родителей, дедушек и бабушек с нормативным школьным опытом. Сейчас русский сегмент всемирной сети — это новая кузница языка.

Но не только виртуальное сообщество определяет судьбу языка. Меняется, то есть платит свой налог на глобализацию, языковое сообщество реальное. Тот, кто радуется, что с ним в португальском ресторане на живом русском объясняется молдаванин-официант, не должен раздражаться на только еще осваивающего русский язык нового московского таксиста из Душанбе. Даже самое косноязычное и апатичное большинство способно заметить, что квалифицированные и грамотные люди куда-то уезжают, а неквалифицированные и малограмотные — откуда-то приезжают. Какой новый культурный продукт возникнет в этой новой среде, сейчас установить невозможно, но включенное изучение процесса — одна из важнейших новых задач современной русистики.

Глобальные функции язык приобретает только тогда, когда его не просто хотят, но не могут не изучать другие. Сейчас конкуренты русского на международном рынке языков — немецкий, французский, итальянский. Они нужны для жизни и работы в этих странах. А как с русским? Кого из стремящихся осесть в России больше — инженеров, нанятых для работы в Сколково, или бежавших от войн и произвола собственных властей жителей, например, Средней Азии? Или беженцев из Афганистана? Результаты переписи населения 2010 года обработают не завтра, но всякому ясен ответ. В любом государстве хотят, чтобы к нему ехали состоятельные люди, знающие язык принимающей страны. Но разве такие едут из Сомали — в Финляндию, из Пакистана — в Норвегию, из Средней Азии — в Россию? Иммигранты меняют речевой портрет города и страны. И новая глобальная русская речь вовсе не похожа на ту, которой учили иностранцев дипломированные специалисты-филологи на протяжении предыдущих десятилетий.

В начале «нулевых» один отлично говорящий по-русски американский солдат признался мне, что в Афганистане, особенно в некоторых регионах этой большой страны, говорить с местными жителями при определенных обстоятельствах лучше по-русски, чем по-английски. «В плане выживаемости оно сподручней», — коряво, но убедительно выразился мой собеседник. «Да ведь и тем, кому он родной, их язык тоже нужен для выживания», — подумал я. Но промолчал. Потому что получил еще один ответ на вопрос, глобален ли русский язык сегодня.

Однако веских причин изучать русский язык и теперь может быть много, очень много. Тут возникает другой насущный вопрос. А на основе каких текстов сегодня лучше всего этот язык изучать? Однажды, это было почти две с половиной тысячи лет назад, тиран Сиракуз Дионисий попросил философа Платона объяснить ему, как устроена жизнь в Афинах. Вместо ответа Платон прислал на Сицилию свиток с избранными комедиями Аристофана. Давно нет на свете Дионисия, Платона и Аристофана. Но мы изучаем настоящую жизнь в Афинах V—IV веков до н.э. действительно скорее по Аристофану, чем по трактатам о государственном устройстве. Так было всегда, так будет и впредь.

Мы можем хотеть понять речь политических деятелей. Но осуществить это желание сами эти политики нам не помогут. Вот почему для понимания Сталина и Ленина нам и нужны Булгаков, Зощенко и Солженицын.

И сегодня для понимания языка политиков, глав Российского государства

и правительства — всем, и тем, для кого русский — родной, и тем, чей родной язык — другой, нужны не сами эти в общем довольно косноязычные люди, научившиеся камуфлировать свои мысли еще у своих советских учителей. Тем и другим нужно изучать язык улицы, саркастическую стихотворную публицистику Дмитрия Быкова или абсурдистские романы Владимира Сорокина, язык блогосферы и социальных сетей с их словарями жаргонов — бизнесменов и проституток, беженцев и врачей, торговцев подержанными автомобилями и недвижимостью, тайный словарь геймеров и торговцев наркотиками.

Новые и примечательные трудности возникают у изучающих современный живой русский язык и там, где по-новому заговорила Россия многоконфессиональная. Несмотря на риторику «возрождения» или «обращения к корням», а также внешние признаки архаики в речевом габитусе представителей православного или мусульманского духовенства, перед нами — попытка сохранить прежний статус духовного лидерства с новым, на этот раз религиозно-национальным наполнением. Риторика православия и, в меньшей степени, ислама подпитывает политическую риторику, насыщает и повседневную речь «обскурантизмами». Например, риторика Московского патриархата вскормлена позднесоветской идеологией. Доктрина языковой политики светской РФ гласит: повсюду там, где говорят по-русски, находится кусочек российской государственности. Эта доктрина все живее прикрывается духовным камуфляжем. В результате главным государственным чувствует себя предстоятель церкви, по Конституции отделенной от государства. Неразрешимое логико-политическое противоречие выражено в языке: речь предстоятеля церкви более подобает военачальнику, а руководитель государства покровительствует церкви как своему политическому ресурсу.

Для освоения этой новой ситуации исследователям и преподавателям языка предстоят большие организационные и содержательные перемены. Это как раз тот случай, когда можно говорить о смене парадигмы во всех основных областях производства и потребления текстов на русском языке: и на уровне определения приемлемости/неприемлемости выражения, и на уровне жанров, и на уровне синтаксиса и морфологии высказывания, и на уровне допустимости/недопустимости применения графических и визуальных средств вербального высказывания. Главное, что это касается не каких-то маргинальных явлений речевого опыта и языковой нормы, но центральных, сущностных высказываний на русском языке, или языковых действий, совершаемых международно признанными авторитетными персонами — от Виктора Пелевина с его эзотерикой, или Татьяны Толстой с ее архаично-готическим Russian style до Владимира Путина с его «мочить в сортире», или Валентины Матвиенко с ее «сосулями», или священнослужителей РПЦ с их брежневской риторикой «всеpravославного единства» и партийно-государственной стилистикой («Русская церковь получила возможность свободного осмысления пройденного ею исторического пути. Итогом его стали важные концептуальные документы, обобщающие опыт церкви в таких сферах, как церковно-государственные и церковно-общественные отношения...» (патриарх Кирилл /Гундяев/, речь 4 июля 2009 года).

Одна из гипотез, которая могла бы объяснить скорость вторичного «одеревенения» русского и одновременно утраты им некоторых глобальных функций, — та, что языковая политика на протяжении почти целого века была политикой унификации, нивелировки и обслуживания государственного интереса — вся-

кий раз нового. В самом начале советской фазы русской истории из повседневности вытеснялся и изгонялся язык церкви. В «12 стульях» И. Ильфа и Евг. Петрова этот процесс показан в фельетонном ключе. Другие авторы видели источники снижения уровня культуры в изменении этнокультурного состава аппарата власти. Рельефнее других этот ужас перед новыми хазарами и печенегами вылепил Булгаков, составивший коллаж нового хозяина русского языка из «наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка, профессоров Персикова и Португалова... и товарища Рабиновича». Из малограмотного говора великорусского простонародья и языка марксизма изваять что-то новое, по возможности «очищенное» от «южнорусского говора», «еврейского» и прочих «азиатских» акцентов, создать язык нового человека можно было, только внедряя представление о норме, обозримом стандарте, никому не дающем увернуться — ни вниз, в матерную преисподнюю языка, ни вверх, ни в сторону — в направлении постепенно стираемых диалектов. Метафору «куриной чумы», напавшей на Россию в первое пореволюционное десятилетие, или торжество языка зощенковского Назара Ильича господина Синебрюхова, героев Платонова можно трактовать как правдоподобное объяснение новой политики языкового строительства. Вот что вынудило советские власти сопровождать это языковое строительство параллельным «повышением культурного уровня». Сведения о возникшей в результате такого повышения-понижения сложной форме полиглоссии прорывались в литературу (от популярного рассказа Александра Яшина «Рычаги» до поэмы Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки»), но по-прежнему теоретически не осмыслены. Точнее, они не осмыслены с применением как раз тех современных лингвистических теорий, которые так продвинули философию языка в США, где фундаментальная теория языка и сознания позволила развить критику, например, политического языка. От Н. Хомского до Дж. Серля — если говорить только о живущих и активно участвующих в создании социальной теории философов-лингвистов — в России берут только «лингвистику», считая политику и социальную действительность вообще делом не научным. Одним из редких исключений был рано умерший математик и гуманитарий Юрий Иосифович Левин, но школы он, кажется, не оставил. Взаимообусловленность лингвистических и социальных феноменов мы найдем в работах В.И. Беликова. Но основное поле держат носители идеологии «культуры речи» и такого научного исследования языка, адепты которого должны научиться не видеть, не замечать текущую живую речь.

Это-то парадоксальное политическое скопчество современного российско-го языкознания лишило целую отрасль науки всякого политического авторитета. Фантасмагорический алогизм, вызывающее мракобесие политического класса современной России, наглый нахрап людей, которые просто в силу их малограмотности не должны были бы пройти квалификационный отбор в собственные клерки, это и следствие воздержания языковедов как сообщества от борьбы за авторитет. Само представление о смысле гуманитарных наук задержалось в своем развитии в России на уровне советских 1970-х—1980-х годов, и даже раньше — на этапе фиги в кармане, так что к встрече с новой и пугающей реальностью исследователи языка оказались не готовы. Даже в большей степени, чем так называемые рядовые носители языка.

Несмотря на наличие очень хороших исследований по истории языкознания недавнего прошлого (книги В.М. Алпатова о Марре и марризме, о языковой

политике в СССР), все же до критического анализа идеологической роли важнейшего цеха гуманитарной науки еще очень далеко. Одновременно с просветительскими усилиями развивалось сочетание «тайной вражды языков», приводившее к постепенному угасанию, например, литературного, философского и т.п. творчества языковых меньшинств. Еще не написана история официального обращения в СССР с «младшими» славянскими языками, история превращения русского языка и его институтов в инструмент репрессий. Но и о роли русского языка как политического инструмента в становлении других культур бывшего СССР написано поразительно мало. Тем временем эпоха СССР миновала, оставив не изученными важнейшие пласты русского языка — «низ» речи и ее казенный «верх». В Википедии носители других языков спокойно анализируют свои национальные сквернословия. В русской Википедии мат табуирован. Зато существует портал «Лукоморье» (недавно переехавший с домена «.ру» за границу) — матерная пародийная эмуляция википедийного знания. Тем временем Госдума России, не потрудившись изучить вопрос, приняла закон, запрещающий публичное применение сквернословия. И это после 70 лет тотального запрета даже на просторечие в советской печати и в разгар беспримерной для носителей языка речевой сквернословной агрессии.

Минуя государственную регуляцию, на культурных руинах советских речевых навыков и языковой политики складывается новая коммуникация. Школы больших городов страны не справляются с культурными последствиями иммиграции людей, не говорящих, не читающих и не пишущих по-русски. Новое русское койнэ¹ пока, может быть, не очень заметно, вызывая отдельные всплески привычного алармизма в блогах и почти никем не читаемых газетах и журналах. В этих условиях все более заметно, что для изучения России и ее языка (языков) уже нужно больше читать по-английски, чем по-русски.

Чтобы пройти путь от приблизительного понимания языка «всех этих людей» до способности говорить на русском языке, оставаясь в контексте и «в теме», нужно преодолеть большое расстояние — от начал языковой политики России и СССР в прошлом, XX столетии, до принципиального слома, сознательными участниками или свидетелями которого стали люди, родившиеся в середине и второй половине прошлого века, до слома, острая фаза которого пришлась на девяностые и нулевые годы.

Если в начале XX века изучать русский было важно для тех, кто хотел определенного будущего и обновления социальных условий по конкретной модели, то в начале XXI века русский язык важно изучать тем, кто опасается как раз грядущей неопределенности, кто пытается понять, откуда может исходить угроза хрупкому социальному равновесию, достигнутому кое-где в мире ценой ухудшения положения в странах, которые раньше называли «развивающимися». Сегодня развивающейся страной, пока не определившей вектор своего развития, стала сама Россия. Куда она пойдет и что будет из-за изменений ее капризной траектории с остальным миром? На эти вопросы невозможно ответить, не изучая русского.

Но глобален он и на более крупном историческом лаге — в сто лет.

---

¹ Койнэ (*греч.* «общий греческий», или «общий диалект»); первоначально — распространенная форма греческого языка, возникшая в постклассическую античную эпоху; расширительно — язык, используемый при общении носителями разных диалектов и вбирающий в себя в упрощенном виде признаки разных диалектов.

Незадолго до Первой мировой войны и начала финальной стадии распада многонациональных империй — Оттоманской, Австро-Венгерской, Британской и Российской — в 1900 году в Вене вышла книга австрийского дипломата графа Генриха Куденхове под названием «Изучая политику Австро-Венгрии». Рассуждая о главном тогдашнем источнике беспокойства для своей страны, Куденхове, сын которого станет через четверть века идеологом паневропейского движения, высказал предложение сделать русский язык... одним из государственных языков Австро-Венгерской империи. Так Вена, по мысли экстравагантного полиглота, одним ударом убила бы двух зайцев — подорвала бы влияние России и уничтожила на корню панславянское движение, раскачивавшее лодку Каканий¹ — так издевательски называла свою империю тогдашняя критически настроенная австро-венгерская интеллигенция. Спасаемая лодка развалилась, однако же, в 1918 году. На ее месте образовалось несколько государств, в том числе — вполне славянских, но бесконечно далеких от панславянской солидарности. Русскому языку предстояло сначала спаять их силой танков Т-34 и автоматов Калашникова. А потом, когда наступила свобода и выводили из славянских стран уже и танки более новых моделей, и даже ракетные установки — все эти материальные инструменты (по Куденхове) мирового языка, — оказалось, что русский все-таки сохраняет некоторые важные признаки языка-посредника, по крайней мере, все еще желанного «языка цивилизации», или *Cultursprache*, как пишет Куденхове в своей книге.

По статистике 1900 года, английский язык был глобальным языком гигантской Британской империи. 100 миллионов говорили на нем как на родном, 300 миллионов владели им в мире свободно. В Европе немецкий язык был на втором месте: на нем говорили 80 миллионов — всего на 20 миллионов меньше, чем сейчас, через 60 лет после Второй мировой войны! Предлагая австрийцам равняться на британцев, Куденхове сравнивал тогда русский язык с урду в британских заморских владениях. Русский — язык, на котором говорят 120 миллионов человек между Карпатами и Тихим океаном, между Ледовитым океаном и Афганистаном, — нужно было насаждать, считал он, еще и потому, что владение им как вторым родным совершенно «безопасно» для немцев, а вот остальных славян он заставил бы отказаться и от идеи общеславянской культурной самобытности, и от мечты о политическом суверенитете «смехотворных карликовых наций».

Читая Куденхове, физически ощущаешь, что свой родной язык он воспринимает как коллективную политическую личность, некое «лицо». Главный враг этого лица — британцы с их всепроникающим английским. А вот русский можно попробовать развернуть и против его собственной метрополии, Петербурга, и против младших славянских братьев, превратить в «мировой» язык. Только не скрепляющий политически огромную Россию, а обслуживающий малые враждующие народы, которые стали бы не способны сопротивляться германскому гению.

Можно сказать, что такие химеры сознания поражают реалистичностью многих оценок, но только если брать эти оценки по отдельности. Да, балтийские немцы свободно говорили на русском как на родном. Но из этой среды и мог

---

¹ Какания (*Kakanien* — нем.) — воображаемая страна в романе Музиля «Человек без свойств» — намек на Австро-Венгрию.

появиться какой-нибудь Розенберг, автор «Мифа двадцатого столетия», и, наоборот, русский министр иностранных дел Нессельроде мог так до конца дней и не выучиться по-русски, но сорок лет оставаться самым настоящим русским министром, проводником, как недавно у нас писали, махровой русской самодержавной шовинистической политики. Язык не является коллективной политической личностью, и злоупотребление им как инструментом политического или административного влияния сулит огромные неприятности в первую очередь тем, чьи интересы хочет защитить политтехнолог в духе старшего Куденхове или британских колониальных администраторов, оставивших на Индостане и вокруг него целый букет этноязыковых и религиозных конфликтов.

И сейчас, в фазе выхода из старого русского имперского статуса, тонкая материя соседства с неродственными миноритарными языками России и родственно-неродственными государственными языками бывших колоний остается почти не изученной, подменяется политическим конструктивизмом вполне в духе Куденхове.

Пусть из планов Куденхове ничего не получилось. Но его изрядно устаревшая теория «мирового языка» могла бы быть вполне востребованной и в сегодняшней формально грамотной России. А вот научная теория Ноама Хомского¹, интегрирующая его политические и лингвистические взгляды, — нет. Культурная отсталость — вот имя главной угрозы для русского языка сегодня. Каким бы нарядным и пестрым ни был реквизит новых Победоносцевых и Нессельроде.

---

¹ *Аврам Ноам Хомский* (Avram Noam Chomsky, часто транскрибируется как Хомски или Чомски) — американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик.

Эмиль Паин

Метаморфозы политической напряженности в России

От политических митингов к этническим бунтам

Центр стратегических разработок (ЦСР), влиятельная в России аналитическая организация, в середине 2012 г. определяла обстановку в России как «политический кризис» и «утрата доверия населения к власти», а в июле 2013-го тот же ЦСР представил доклад под названием «Возможно ли новое электоральное равновесие в России?», противоречивший прежним выводам экспертов. Теперь ЦСР отмечал, что «за год после протестов, если взять последней его датой события на Болотной площади 6 мая 2012 года, президент Владимир Путин, "Единая Россия" и в целом власть смогли "успокоить" население». Авторы доклада констатировали факт радикального снижения уровня протестов в Москве и совершенно неожиданного взлета непонятных для них протестов в форме этнических бунтов в периферийных регионах России. На первой же странице эксперты ЦСР признавались: «...в отличие от предыдущих докладов, мы даже не пытаемся дать обоснованное объяснение причин происходящего». Мне же перемены, о которых идет речь, не кажутся непонятными и непредсказуемыми. Попытка объяснения этих перемен и составляет содержание этой статьи.

Пять «кондопог»

Перемены действительно заметные. Если в 2006 г. в России за пределами Северного Кавказа было лишь одно крупное межэтническое столкновение, в Кондопоге (Карелия), и его обсуждали несколько лет, то в 2013-м уже к ноябрю вспыхнуло сразу пять «кондопог» — пять крупных многодневных столкновений, так или иначе связанных с насилием, включая в некоторых случаях и человеческие жертвы. В июле — в городах Пугачево (Саратовская область), Среднеуральске (Свердловская обл.) и Нурлате (Татарстан), а в октябре митинги и беспорядки на этнической почве, сопровождавшиеся поджогами автомобилей, погромами торговых заведений и избиением людей, произошли в Бирюлеве

Паин Эмиль Абрамович, доктор политических наук, профессор кафедры теории политики и политического анализа и кафедры прикладной политологии Высшей школы экономики, генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований.

Западном (микрорайон на юге Москвы) и в Петербурге на крупнейшем вещевом рынке «Апраксин двор».

Кроме того в 2013 году зафиксированы: столкновение кавказцев с полицией в Москве на Матвеевском рынке, вызвавшее много шума в СМИ; не менее широко комментировавшийся в прессе митинг с требованием выселения кавказцев в станице Вешенская (Ростовская область, родина нобелевского лауреата Михаила Шолохова), а также десятки менее заметных столкновений русских с кавказцами, местного населения и приезжих по всей России.

Все эти крупные и мелкие столкновения представляют собой лишь малую часть проявлений обострившейся межэтнической обстановки в России.

Еще в марте 2013 года генеральный прокурор России Юрий Чайка огласил шокирующую статистику по стране: с 2004-го по 2012-й год количество преступлений экстремистского характера выросло в пять раз, и наибольшая их часть была направлена на «разжигание национальной розни». Причем феноменальный рост подобных преступлений зафиксирован в самых неожиданных регионах, например, в недавно еще относительно благополучном Сибирском федеральном округе — аж на 84 процента. Все эксперты в один голос утверждают, что сегодня невозможно предсказать, где именно возникнет очередной конфликт. Копившееся массовое недовольство, еще год назад проявлявшееся у части граждан в политических протестах, дало крен в этническую сторону. И этого следовало ожидать: ведь до политических выступлений конца 2011 — начала 2012 года все протестные движения, даже те, которые начинались с критики властей и возмущения тотальной коррупцией, быстро обретали форму этнического или религиозного противостояния. Когда политические митинги угасли, протесты вновь вернулись в привычное этническое русло. Оно заманчиво не только тем, что предлагает простые объяснения — во всех бедах виноваты «чужаки». Главное, что и решения проблем кажутся понятными и легко выполнимыми — «изгнать чужаков, не пускать новых». По сравнению с ними политические требования оппозиции, например, «честные выборы», кажутся оторванными от жизни и нереализуемыми. Простота нынешних этнических лозунгов в чем-то привлекательна и для властей: «гнать и не пускать» — привычные слова из российского чиновничьего лексикона, куда более понятные и приятные их слуху, чем слова «модернизировать» или «реформировать».

Есть целый ряд социальных и психологических факторов, влияющих на разрастание ксенофобских настроений. Например, люди, испытывающие внутреннюю неудовлетворенность своим статусом, своими жизненными перспективами, склонны самоутверждаться за счет кого-то, кто, по их мнению, стоит еще ниже на социальной лестнице. В разных регионах возникает иерархия унижаемых. Так, потерявший человеческий облик московский бомж на Казанском вокзале самоутверждается, обзывая «чурками» прибывших южан; таджикский гастарбайтер кричит вьетнамскому — «убирайся откуда приехал»; в Чечне случались столкновения чеченцев с таджикскими мигрантами, а в Центральной России чеченцы и другие представители народов Северного Кавказа в разы больше вызывают к себе ксенофобскую неприязнь местного населения, чем выходцы из Средней Азии. Наше общество — общество догражданской культуры, и оно крайне незащищено перед любыми стереотипами. В таких обществах даже политические разногласия зачастую приобретают форму этнических или религиозных конфликтов, как например, в Египте летом 2013 года. Стереотипы—

групповые, неосмысленные — распространяются как лесной пожар. Однако, сколь бы ни было велико значение социально-психологических факторов, главнейшими в раскручивании спирали межэтнической ненависти являются факторы политические. Проблема в том, что роль властной риторики в «вертикальных обществах», подобных российскому, во много раз выше, чем влияние СМИ, популярных телеведущих, разного рода известных общественных деятелей и других подобных лиц. Поэтому и тревоги больше: если ошибку совершает власть, это немедленно сказывается на социальном климате.

Политики на поводу у ксенофобии или в ее авангарде?

Октябрьская волна этнических погромов накрыла обе столицы России, Москву и Петербург, продемонстрировав, что власти всех уровней готовы пойти на значительные уступки погромщикам. Беспорядки в Бирюлеве продолжались трое суток. Они начались с убийства местного жителя Егора Щербакова, совершенного, предположительно, мигрантом-азербайджанцем, и завершились убийством: на железнодорожных путях недалеко от Бирюлевской плодоовощной базы был найден труп узбека-мигранта со множеством ножевых ран. Если первое убийство вызвало массовое негодование, то по поводу убийства мигранта не наблюдалось каких-либо существенных проявлений общественного внимания.

Хочу отметить, что в основе этих беспорядков лежала не только ксенофобия. Концентрация мигрантов (легальных и нелегальных) на Бирюлевской базе, где они не только работали, но и жили, нарушала множество российских законов и действительно представляла собой отнюдь не мнимые угрозы для местного населения. А как могло быть иначе, если предприниматели завозили сюда молодых мужчин и держали их почти в тюремных условиях? У многих из этих парней еще дома сложились патриархальные отношения к «чужим» женщинам и архаичные представления о праве на них. Кстати, эти особенности нельзя называть этническими — это социально-культурные особенности, свойственные лишь *определенным группам* внутри разных народов. Так или иначе, обо всех нарушениях закона и угрозах для населения власти всех уровней были давно осведомлены, но ничего не предпринимали. Еще бы, Бирюлевская база — доходное предприятие, принадлежащее концерну «Новые Черемушки», почетным президентом которого является Магомед Толбоев, Герой России, известный политический деятель, один из доверенных лиц Владимира Путина на последних президентских выборах. И только после погрома база была закрыта, а мигранты (демонстративно, как в боевике) загнаны в автозаки для последующей депортации. Такая форма удовлетворения требований «народа» неизбежно провоцировала следующие погромы. И они не заставили себя ждать.

Погром «Апраксина двора» в Петербурге 21 октября даже самими его участниками позиционировался как продолжение Бирюлевского. Те же формы самоорганизации, то же название («народный сход»), те же лозунги, вот только собрался этот сход не на окраине города, а в самом его центре, на Марсовом поле. Многое в этой акции поражает, ведь в обеих столицах даже одиночного пикетчика немедленно схватят, если он будет заподозрен в организации «несанкционированной акции», а здесь колонна молодых людей с растяжками спокойно шествовала по центру города, и со стороны блюстителей закона не предпри-

нималось никаких попыток их задержать. Они еще понаблюдали, как «ребята» с Марсова поля, прибыв в «Апраксин двор», принялись громить витрины, избивать мигрантов, жечь дымовые шашки, и только после этого шестнадцать самых активных погромщиков были задержаны.

Случившееся подтолкнуло депутатов законодательного собрания Петербурга принять обращение к губернатору с просьбой закрыть торговлю на рынке «Апраксин двор», в народе называемом «Апрашка». Так ведь не в первый раз. Нарушения законов об использовании труда мигрантов, ужасающая криминальная обстановка на этом рынке, его антисанитарные условия и явное несоответствие облику центра культурной столицы России — все это уже давно побудило власти города принять решение о переносе рынка на улицу Руставели. Даже здание нового рынка было построено и кем-то обжито, но торговля на «Апрашке» не прекращается. Этот рынок стал аналогом московского Черкизовского рынка, который с 2001 года пытались закрыть трижды, но сумели это сделать лишь спустя восемь лет. Понятно, что отнюдь не мигранты обладают таким влиянием, которое парализует волю властей. Тем не менее, ненависть населения падает не на чиновников и не на их финансовых лоббистов, а на мелкий люд, мигрантов, отнюдь не жиреющих на подобных «хитровках» нашего времени.

О московской Хитровке полезно вспомнить подробнее.

Хитров рынок (Хитровка) просуществовал в центре Москвы почти век с того времени, как в 1824 году генерал-майор Н.З. Хитрово установил на территории своего поместья, простиравшегося от Яузского бульвара до Петропавловского переулка, первые торговые ряды. С 1860-х годов Хитровка превратилась в ярчайший образ социального дна, о котором можно судить, например, по пьесе Горького «На дне». Это было скопление убогих, грязных и страшных лабиринтов-трущоб, в которых ютились спившиеся деклассированные люди. Полицейские протоколы подтверждали, что большинство беглых преступников из Сибири в Москве скрывались именно на Хитровке. В апреле 1873 года московский обер-полицмейстер Н.У. Арапов подал рапорт генерал-губернатору В.А. Долгорукову, в котором, изложив положение на Хитровом рынке, предлагал перенести его на Конную площадь, однако это предложение не было принято по тем же причинам, по каким в наше время не закрывали Черкизовский рынок. Такие рынки (базы, склады) приносили и приносят огромные доходы их владельцам, легальным и нелегальным. Часть этих доходов передается должностным лицам, вплоть до самых высших чиновников. Внизу этой пирамиды находились городовые. Как писал В. Гиляровский в своих знаменитых очерках «Москва и москвичи», всем Хитровым рынком заправляли двое городовых — Рудников и Лохматкин, которые знали в лицо всех преступников, собирали с них дань, но в некоторых случаях, если начальство требовало, передавали их правосудию. Тогда это, правда, еще не снимали телекамеры.

И сегодня рынки зачастую контролируются такими же «городовыми». Трудно определить их статус: то ли коррумпированные чиновники, то ли нелегальные бизнесмены. К сожалению, мало что изменилось в России за полтора века с точки зрения подконтрольности властей и бизнеса обществу.

Традиция или прагматический интерес?

Приступы безволия у российских властей, позиционирующих себя как «сильная власть», как во времена, когда затягивались решения по Хитрову рынку, так и ныне, когда нужно разбираться с «Черкизонами», «Апрашками» и Бирюлевым, обусловлены не только, да и не столько традицией, согласно которой мужик крестится лишь после того, как гром грянет. Куда сильнее эта «нерешительность» обусловлена прагматическими интересами бизнеса и властей, не контролируемых обществом. Но если власть крестится, чешется и принимает важные административные решения только после погромов, то не нужно быть знатоком примет и народных традиций, чтобы предсказать новые погромы.

К тому же власть куда меньше озабочена погромами и убийствами, чем тихими политическими демонстрантами. Этим объясняется и бросающееся в глаза различие в реакции властей на политические события — и на погромы. Парней с битами, цепями, дымовыми шашками и другими орудиями погромщиков власти уважительно именуют народом, а демонстрантов, легально вышедших на Болотную площадь, — не иначе как хулиганами и преступниками и соответственно с ними обращается. Такое различие в оценках весьма существенно влияет на массовое сознание. Оппозиционных политических демонстрантов пока поддерживает меньшинство горожан даже в «просвещенной» Москве, а к погромщикам отношение иное. По результатам социологического опроса 81% москвичей поддерживает требования жителей Бирюлево, а половина из них (41%) одобряет методы, которыми действовали погромщики.

Скоротечные московские выборы 2013 года сильно разогрели мигрантофобию, а вслед за ней испортили межэтнические отношения. О проблеме мигрантов говорило большинство участников избирательной кампании. Лишь Сергей Митрохин ни разу не был замечен в антимигрантской риторике, хотя и он стал говорить о нелегальной миграции больше, чем раньше. Но другие... Николай Дегтярев из ЛДПР обещал через полтора года очистить московские рынки от мигрантов, Николай Левичев из «Справедливой России» призвал московскую полицию ужесточить борьбу с этнической преступностью, коммунист Иван Мельников сулил дополнительные привилегии исключительно коренным москвичам. Это предложение меня особенно заинтриговало. Как его понимать: неужели и лидер КПРФ Геннадий Зюганов, не коренной москвич, выходец из орловской деревни, будет ограничен в правах или даже вынужден вернуться из столицы на родину? Стоило ожидать, что отметится и Алексей Навальный, которого молва и постановление партии «Яблоко» называют «националистом». Да, кандидат от либеральной партии «Парнас» Навальный тоже использовал антимигрантскую риторику на встречах с избирателями, однако в прессу ничего режущего слух вроде не просачивалось. Известно также, что «истинные» националисты его риторикой и имиджем в кампании были недовольны. Д. Ольшанский в Фейсбуке написал, что для семидесяти процентов избирателей были бы привлекательны такие идея и образ: «Только национал-социализм. То есть, образ "я точно такой же суровый парень, как Путин, и точно так же буду давать вам деньги, как Путин, но только я еще и выгоню всех чужих"». И далее этот любитель национал-социализма выражает разочарование: «Но Навальный этим путем не пошел... Вместо этого он создает все тот же самый до боли

знакомый образ "лидера молодых, энергичных, открытых, ответственных и эффективных менеджеров, активных граждан и налогоплательщиков"...» Однако то, что для националистов плохо, для остальных граждан радостно. Меня и моих учеников приятно удивил факт: в последний год Алексей Навальный резко сократил националистическую риторику. Мы проанализировали 1347 его выступлений за последние три года, из них только 40 посвящены этнополитической тематике, при этом девяносто процентов его высказываний на эту тему относятся к ситуации на Северном Кавказе и связаны с критикой не этнических общностей, а порядков в тамошних республиках и их руководителей.

Тогдашний и.о. мэра, а нынешний мэр Сергей Собянин на этой площадке оказался самым активным. Уже 13 июня, в день начала кампании, он назвал мигрантов «главной проблемой города». 14 июня заявил, что московское ЖКХ может обойтись без мигрантов, а к 20 июня от его частого употребления антимигрантской риторики затоснило даже националистов. Дмитрий Демушкин, представитель националистического объединения «Русские», в сердцах воскликнул: «Эмигранты и Собянин — последний месяц я только это и слышал. Более того, они умудрились своровать даже у нас несколько пунктов из программы и выступить с ними...»

Формирование стереотипов массового сознания

Власть не только опускается до стереотипов массового сознания, она их еще и формирует. Опросы Левада-Центра показали, что в июле 2013-го, впервые за все годы наблюдений, проблема мигрантов была названа главной для москвичей. Между тем еще в феврале в списке главных проблем лидировали «уличные пробки» (54%), «высокие цены на товары первой необходимости» (48%) и «рост коммунальных платежей» (44%). Эта первая тройка проблем сохранялась с 2009 года, иногда лишь меняясь местами внутри себя. Так что же произошло в Москве с февраля по июль?

Тарифы, цены и пробки на дорогах только возросли, а массового притока мигрантов в столицу не наблюдалось. Почему же вдруг так обострилась именно миграционная проблема? Давайте вспомним еще один интересный факт. В марте только что минувшего года прокурор Москвы Сергей Куденеев рапортовал о достижениях правоохранителей и сообщил, в частности, что за последние пять лет количество преступлений среди мигрантов в столице снизилось почти вдвое. «Доля мигрантской преступности в общегородской стабильно составляет 20 процентов», — говорил Куденеев. Но вот настал август. И тот же прокурор рассказывает нам, что за последние полгода сорок процентов преступлений в Москве совершили иностранцы и еще десять — какие-то другие «не москвичи». Так что же произошло в столице за эти несколько месяцев, если пять лет до того преступность среди мигрантов снижалась и упала в два раза, а за последнее полугодие вдруг в те же два раза выросла?

Я довольно долго занимался изучением так называемой «этнической преступности» и знаю железный закон: этнические меньшинства — они и в сфере преступности меньшинства. Мартовские данные прокуратуры куда ближе к данным независимых экспертов, чем августовские, которые к тому же появились как «рояль в кустах» уже после того, как исполняющий обязанности

мэра заявил: «Если убрать преступления, совершаемые приезжими, то Москва будет самым законопослушным городом в мире». Единственное летнее событие, которое могло заставить так плясать статистику преступности и взвинчивать общественное мнение — это столичная избирательная кампания.

Впрочем, в Москве и до выборов уровень мигрантофобии был выше, чем в среднем по России. Это показали майские 2013 года исследования центра «Ромир», сделанные по заказу международного академического проекта «Нацстроительство и национализм в сегодняшней России»: с утверждением «русский народ должен играть ведущую роль в российском государстве» было согласно 85% опрошенных в России и 95% в Москве. Лозунг «Россия для русских» поддерживали почти 60% граждан страны, а в Москве — 70%.

Слово «мигрант» используется в российском политическом лексиконе как псевдоним для зашифрованного обозначения некоторых этнических и региональных групп. Это советская традиция. При Сталине декларативный интернационализм запрещал считать какие бы то ни было национальности врагами, а фактический государственный антисемитизм требовал этого. Тогда в ход был пущен термин «космополиты». И все понимали, кто имеется в виду, когда сажали и расстреливали, например, врачей-космополитов. Сейчас новые враги и новые термины. В Москве выходцев из Петербурга, Тюмени или Орла мигрантами не называют, так же как татар или башкир, приехавших из соответствующих республик. И даже граждан Белоруссии и Украины в быту мигрантами никто не называет и никто не требует ограничения их въезда. Слово «мигрант» в политическом лексиконе заменяет бытовые ругательства типа «чурки». Термин предназначен для «южан», в частности, российских граждан, прибывших в Москву из южных регионов страны и юридически ничем не отличающихся от петербуржцев или ростовчан. Антимигрантская кампания, устроенная во время московских выборов, фактически легализовала ксенофобию и разожгла межнациональную рознь. Но ксенофобию нельзя строго направить только против определенных этнических групп, она неизбежно расплзается. Некий пермский журналист, который призывал не выгонять кавказцев из города Пугачев, а сжигать их в собственных домах, одновременно выступал и за закрытие в городе синагоги. Дело учителя из Тверской области Ильи Фабера показывает, что антисемитизм вновь возрождается в органах власти. Кавказцы, азиаты, евреи, вьетнамцы. Кто следующий?

«Проблема мигрантов» — это эвфемизм, который подменяет еще одну проблему: несправедливую и неэффективную региональную политику. Данные Счетной палаты РФ указывают на гигантские масштабы разворовывания бюджетных средств, выделяемых республикам Северного Кавказа. А это деньги из кармана налогоплательщиков, их диспропорциональное распределение и разворовывание напрямую затрагивает интересы москвичей, однако об этой проблеме на московских выборах говорили лишь два кандидата в мэры. Сергей Митрохин назвал такую региональную политику «контрибуцией, которую Москва выплачивает кадыровской Чечне», а Навальный отстаивал лозунг: «Хватит кормить Кавказ». Трудно увидеть существенные различия в словах: «хватит платить контрибуцию» и «хватит кормить». Важно, что такое «кормление» приводит к формированию определенного социального типа — разжиревших нуворишей, которые позволяют себе демонстративно плевать на законы и моральные нормы. При этом речь идет не только о высших руководителях, но

и об их обслуживании вроде тех дагестанских телохранителей, которые избили на дороге депутата Государственной думы только за то, что он не позволил обогнать себя. Понятно, что подобное поведение должно возмущать любого нормального человека. Это возмущение рационально, в нем нет проявления ксенофобии. Но она возникает тогда, когда образ недостойного человека распространяется на всю этническую или религиозную общность — «все они такие».

Русский национализм и исламский терроризм — сообщающиеся сосуды

Если же перейти от бытовой ксенофобии к поведению политиков, то в России мы имеем дело с явлением, которое можно назвать «политической шизофренией», — явно выраженным раздвоением сознания. Вот лишь некоторые примеры. МИД, выражая волю российского руководства, прилагает усилия для создания экономического и политического союза с государствами Средней Азии, а Сергей Собянин, являющийся видным членом нынешнего российского «политбюро», выступает за введение визового режима для граждан тех самых государств.

Россия пытается привлечь союзников на Кавказе. Для этого федеральная власть подтолкнула «Роснефть» к подписанию в августе 2013 г. не очень выгодного для нее контракта с Государственной нефтяной компанией Азербайджана (ГНКАР). Но в политическом плане российские уступки оказались напрасными. Бирюлевский погром за три дня нанес отношениям с Азербайджаном урон, который трудно будет восстановить за месяцы и годы. Так, посол Азербайджана в Москве Полад Бюльбюль-оглы в связи с Бирюлевским погромом заявил, что не следовало устраивать «истерию» из-за обычного бытового убийства. Он также подчеркнул, что задержание подозреваемого в убийстве азербайджанца Орхана Зейналова было произведено с нарушениями закона. Правительство Азербайджана по этому поводу дважды, 17 и 19 октября, направляло в МИД России ноты.

Государства Центральной Азии никаких нот по поводу антиисламской истерии в России не предъявляли, но их дрейф от России в сторону Китая, под его покровительство, и без того заметен. Например, 18 сентября 2013 г. в рамках проходившего в Душанбе юбилейного (десятого) заседания Межправительственной комиссии транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия главы министерств транспорта Афганистана, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали совместное заявление о внедрении в Центральной Азии двух приоритетных проектов: 1) ТРАСЕКА — «Шелковый ветер» и 2) «Модельное шоссе». Смысл обоих проектов многими экспертами трактуется как «транспортные коммуникации в обход России». Если посмотреть на карту железнодорожных и автомобильных маршрутов, которые планируется развивать в рамках этих проектов, то становится очевидным, что не последней их задачей является «присоединить» Китай к транспортным коммуникациям, обеспечивая ему таким образом выход в Европу в обход России через Казахстан и Турцию, а также в Афганистан и Иран через Таджикистан.

В региональной политике России явный приоритет отдается Северному Кавказу: полпред в этом федеральном округе — единственный, кто имеет еще и

статус вице-премьера, а дотации республикам региона из федерального бюджета в расчете на одного жителя почти впятеро превышают средние по стране показатели. Однако вопреки этой политике идут массовые зачистки на московских рынках, и в перспективе — их закрытие. Больше всего от этого пострадают северокавказские республики, жители которых в своем большинстве получают доходы вовсе не от работы на промышленных предприятиях. Власть, конечно, не заинтересована в появлении новых Кондопоги, Пугачева или Среднеуральска. Однако в условиях конфликтных отношений со многими социальными группами ресурсы консолидации у нее крайне ограничены, и она вынуждена искать поддержку у наиболее конформистских групп, поэтому и сама использует лозунг «долой понаехавших», под которым и происходили все перечисленные конфликты.

Антикавказские выступления в центральных районах России вызывают растущее недовольство у населения и властей республик Северного Кавказа. 24 июля в селе Новомихайловское Туапсинского района Краснодарского края в детском оздоровительном лагере «Дон» несколько сот местных жителей напали на детей и тренеров юношеской сборной Чеченской республики. Были жестоко избиты несколько подростков и шестидесятилетний тренер Руслан Гиназов. В ответ на это в Чечне вспыхнули демонстрации протеста, люди выкрикивали: «Это настоящий террор и бандитизм!» Президент Чечни Рамзан Кадыров выразил «серьезное беспокойство» по поводу случившегося, а уполномоченный по правам человека в Чечне Нурди Нухажиев отправил соответствующие обращения в адрес генерального прокурора России, прокуратуры Краснодарского края и Южного федерального округа.

Подъем ксенофобии и русского национализма оказывает не только прямое воздействие на рост ответного недовольства этнических и религиозных меньшинств. Еще опаснее его косвенное влияние на рост терроризма, прикрывающегося якобы исламскими идеями. Разумеется, было бы неверным считать, что террористические акты на Северном Кавказе обусловлены только ростом русского национализма, но связь между этими явлениями очевидна. Русский национализм, рисующий кавказцев и всех мусульман как прирожденных врагов русских людей, является очень удобным предлогом для обоснования справедливости концепции лидеров «Имарата Кавказ»¹, согласно которой все население России признается врагом будущего эмирата.

Со времен взрыва в московском аэропорту «Домодедово» в январе 2011 года почти три года в крупных городах России не было громких терактов. Сравнительно длительный перерыв в террористической активности привел к тому, что российское население несколько успокоилось. Опрос, проведенный в августе 2013 г. Всероссийским центром исследования общественного мнения (ВЦИОМ), показал, что две трети россиян не опасались терактов. Социологи констатировали тогда, что боязнь терактов среди россиян за последние годы стала значительно меньше. Похоже, период затишья кончился. После взрыва в Волгограде страна вспомнила об угрозе со стороны исламистов. В понедельник, 22 октября, в городе Волгоград на юго-западе России террористка-смертница Наида Асиялова,

---

¹ 31 октября 2007 года было опубликовано видеобращение Доку Умарова, в котором он провозгласил единственной легитимной силой на Северном Кавказе новое государство Имарат Кавказ, а себя объявил единоличным амиром этого государства.

родом из Дагестана, взорвала себя в автобусе, полном пассажиров. По меньшей мере шесть человек, кроме самой смертницы, погибли, около сорока были ранены. Практически все эксперты связывают возобновление активности террористов с приближением Олимпийских игр в Сочи. Основная версия следователей по делу об октябрьском теракте в Волгограде — подрыв совершила террористка-смертница, принадлежащая к кругам исламистских радикалов из организации «Имарат Кавказ». Этот теракт можно считать первым ответом террористического подполья на призыв лидера «Имарата Кавказ» Доку Умарова сорвать Олимпиаду в Сочи. Его видеообращение с таким призывом распространилось в Интернете с 3 июля 2013 г. Не только российские власти, но и многие эксперты недооценивали влияние Доку Умарова на характер террористической деятельности. Только сейчас становится понятной связь между его заявлением, сделанным в начале 2013 года, об отмене моратория на проведение терактов против мирного населения и подрывом рейсового пассажирского автобуса в Волгограде. Во времена, когда была заметна политическая активность россиян против своей власти, Умаров дал приказ своим подчиненным «избегать атак на мирные цели», ныне же, когда население нападает на мусульман в Москве и в других городах, лидер «Имарата Кавказ» отменяет его и дает добро на теракты, направленные на уничтожение как можно большего числа мирных граждан. Сравните ситуацию в 2012-м и в 2013-м годах. В течение всего 2012 года жертвами нападений становились преимущественно полицейские, судьи, солдаты внутренних войск и другие представители органов государственной власти. Ныне же цели террористов изменились. В Волгограде им удалось то, что они планировали совершить еще весной. Тогда, в мае, правоохранители сообщили о разоблачении террористической ячейки в одном из пригородов Москвы. По информации следствия, участники группы готовили теракты в российской столице. Весьма опасным мог быть теракт в Кировской области. Здесь 15 октября были задержаны двое выходцев с Северного Кавказа, которых подозревают в подготовке теракта на химическом предприятии. При этом целью преступников было не столько нанесение ущерба производству, сколько массовое отравление населения химическими веществами. Посеять страх среди населения — вот задача, которая сейчас ставится террористами. И им в значительной мере удастся ее осуществить, при этом растущее недовольство населения направляется не на власти, а на мусульман.

На следующий день после теракта 21 октября, а точнее, уже в ночь на 22 октября, в Волгограде неизвестные забросали «коктейлями Молотова» здание мечети по адресу улица Лавровая, 16, принадлежащее региональному духовному управлению мусульман Волгоградской области. Еще через два дня в Волгограде произошла вторая попытка отомстить за теракт поджогом мечети, уже другой, на улице Поворинской, 22. Пока никто из злоумышленников не найден. Высока вероятность, что попытки поджогов мечетей или других мест скопления мусульман будут продолжаться как в Волгограде, так и в других городах России.

Так запускается цепная реакция: русский национализм усиливает исламский терроризм, который, в свою очередь, провоцирует новые вспышки русского национализма.

В России действует своеобразный закон сохранения энергии: протестные настроения нарастают, при этом постоянно меняя форму, то проявляясь в форме

политических движений, то превращаясь в этнические бунты, погромы и религиозно окрашенный терроризм.

Что же ждет нашу страну, если эта метаморфоза будет воспроизводиться снова и снова?

По мнению известного социолога Льва Гудкова, общий кризис политической системы в России будет углубляться, сопровождаясь ростом недовольства населения. Оно уже проявляется и будет проявляться не только в виде взрывов фобий, то есть в болезненных иллюзорных страхах и ненависти к этнически и религиозно «чужим», но и в форме вполне рациональных претензий к сложившимся социально-политическим условиям. Вот уже несколько лет устойчиво растет доля россиян, выражающих недоверие «партии жуликов и воров». Последние два года лозунг: «Нет ПЖиВ» — поддерживает более половины населения, причем недовольство вызывает не только сугубо экономическое, но и политическое жульничество. Политические мотивы выводили на демонстрации в Москве в 2012 году десятки тысяч человек. При этом политические акции, в отличие от этнических беспорядков, продемонстрировали удивительные консолидирующие ресурсы. На Болотной площади, на проспекте Сахарова, в демонстрации «Оккупай Абай» принимали участие представители разных идеологических течений, политических взглядов, этнических общностей и религиозных воззрений. В какую сторону сдвинется общественный протест: в политически-объединительную или в этнически-разъединительную? Неизвестно. Вполне определенно история свидетельствует лишь о том, что на «национальный вопрос» есть единственный ответ — гражданский. Солидарность граждан в решении общих для всех вопросов всегда снимала болезненность восприятия культурных, этнических и религиозных различий, сохраняющихся веками. Но для этого в обществе должны появиться *граждане* — люди, осознающие свою решающую роль в государстве, свой, народный суверенитет.